

УДК 821.161.1

Становление индивидуального подхода к «литературе факта» в творчестве Ю. Трифонова (от повести «Студенты» к роману «Утоление жажды»)

Казимагомедова Рубина Имамалиевна

Аспирант,

Дагестанский государственный университет,

367000, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а;

e-mail: rubina85@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена периоду творчества Ю. Трифонова, который достаточно мало исследован в литературоведческой науке. Обращение к документальному началу в творчестве писателя позволило автору прийти к обобщениям относительно функций фактического материала в его творчестве.

Ключевые слова

Документальная литература, автобиография, Трифонов, производственный роман, «туркменский цикл» творчества Трифонова.

Введение

События из жизни Ю.В. Трифонова, представленные в ряде исследований и изданий биографического толка¹, убеждают в том, что будущий

писатель с раннего возраста столкнулся с самыми противоречивыми сторонами советской действительности.

1925–1981. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1997. – 798 с.; Юрий и Ольга Трифоновы вспоминают. – М.: Совершенно секретно, 2003. – 253 с.; Шитов А.П., Поликарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха: факты, документы, воспоминания. – М.: Собрание, 2006. – 590 с.

¹ См, в частности: Шитов А. Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества.

Счастливым детством в «доме на набережной»; трагические, ломающие судьбу события: арест и расстрел отца, арест матери, слом благополучной жизни в раннем отрочестве, – навсегда сделали перо писателя чувствительным к самым мелким подробностям жизни, из которых она и складывается. После возвращения из Ташкента в Москву 1942 г. сын репрессированных родителей работал на заводе слесарем, диспетчером цеха, техником.

Внимание к бытовым деталям жизни сопровождало и учебу Ю.В. Трифонова в Литинституте (1944–1949), о чем свидетельствует материал, послуживший основой для его первой повести «Студенты» (1950), опубликованной в «Новом мире» Твардовского. Немаловажно указать, что при некоторой наивности, за которую критиковал повесть сам Трифонов позднее, она была насыщена правдой жизни, которой не доставало тенденциозной прозе того времени.

Один из первых биографов писателя Ю. Оклянский замечал: «Щедро и подчас красочно представлены в произведении атрибуты студенческого быта...»². А. Шаравин, исследуя становление творческой индивидуальности прозаика, также отмечал: «Широко вводятся Ю. Трифоновым реалии студенческого быта – описание беспокойной жизни общежития, лихорадка экзаменов, самоотверженный труд на субботнике по прокладке газопровода, работа в НСО и тому подобное»³. Кроме того, важная составляющая архитектоники повести – ее хронотоп, Москва конца 40-х–начала 50-х годов: Д. Гиллеспи утверждает, что проходящий через всю повесть образ Москвы «может быть назван одним из протагонистов... физическое присутствие Москвы подчеркивается»⁴.

Ю. Трифонов, несмотря на резкую оценку произведения впоследствии, отмечал, вместе с тем: «В повести «Студенты» была некоторая бытовая правда, были подробности, напомиравшие жизнь. И – не где-то и когда-то, а жизнь сегодняшнюю, московскую»⁵.

Ю. Трифонов, несмотря на резкую оценку произведения впоследствии, отмечал, вместе с тем: «В повести «Студенты» была некоторая бытовая правда, были подробности, напомиравшие жизнь. И – не где-то и когда-то, а жизнь сегодняшнюю, московскую»⁵.

2 Оклянский Ю.М. Юрий Трифонов: Портрет-воспоминание. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 18.

3 Шаравин А.В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – С. 6.

4 Gillespie D. Iurii Trifonov: Unity through time. – Cambridge University Press, 1992. – P. 15.

5 Цит. по: Скатов Н.Н. Русская литература 20 века. – М.: OlmaMediaGroup, 2005. – С. 513.

Таким образом, уже в первой нашумевшей вещи молодого прозаика важнейшим оказалось следование правде жизни, фактуре повседневности, знакомой студенту послевоенной Москвы не понаслышке. Недаром «Студенты» выдержали шесть переизданий до 1974 г., были поставлены на сцене Театра им. М.Н. Ермоловой: они имели оглушительный успех, а автору присвоили Сталинскую премию третьей степени.

Вместе с тем «Студенты», став первой успешной пробой пера Трифонова, были, несомненно, и только первой стадией его становления как прозаика, торжеством слова «идеологического» (А. Шаравин). «Позже Трифонов очень сожалел, что сразу не прислушался к мудрым советам Ильи Эренбурга, который, с одной стороны, всегда отличался отменным литературным вкусом, а с другой – очень долго искусно выстраивал отношения с властью. Так вот Эренбург, когда прочитал «Студентов», осторожно заметил: «Автор весьма талантлив, но я хотел бы надеяться, что он когда-нибудь пожалеет о том, что написал эту книгу»⁶.

6 Огрызко В. Свой или чужой // Литературная Россия. – 2008. – № 46 (14. 11.). – С. 8.

Так и случилось. Уже в 1970 году Трифонов писал Л. Левину по поводу повести: «Как я отношусь сейчас к «Студентам»? Иногда равнодушно, иногда – мне делается неловко за многое. И главное за то, что это была странная смесь искренности и хитрости, которую я наивно считал обязательной»⁷. В 1973 г. в очерке «Записки соседа» писатель замечал: «Сейчас из романа «Студенты», которым набита целая полка в моем шкафу, я не могу прочесть ни строки»⁸. Бельгийская исследовательница творчества Трифонова К. де Магд-Соэп отмечает: «Трифонов не любил вспоминать о своей первой повести. Казалось, он ее стыдится. Его отношение четко сформулировано в надписи на подаренной мне книге: «Это книга, которую я не писал»⁹.

Поиск стиля и поиск темы

По словам самого Трифонова, начиная с середины 50-х годов он сам,

7 Письмо Ю. Трифонова к Л. Левину от 26 октября 1970 г. // Вопросы литературы. – 1988. – № 3. – С. 180.

8 Трифонов Ю. Избранные произведения: в 2-х тт. – Т.2. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 519.

9 Магд-Соэп К. де. Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции. Екатеринбург: УРГУ, 1997. – С. 33–34. (Надпись сделана в 1976 году.)

да и литература СССР в целом, испытывали кризис из-за неопределенности ориентиров – политических, идеологических, стилевых: «Ничего не писалось. Все бесконечно разговаривали. Писать по-старому было неинтересно, писать по-новому еще боялись, не умели и не знали, куда это все повернется...»¹⁰.

Здесь на помощь Трифонову вновь пришла литература факта. В поисках фактуры для новых произведений писатель прошел немалый путь как географически (туркменский цикл), так и хронологически (обращение к истории революции, выход к историософской проблематике). По замечанию О. Трифоновой, в то время «Трифонов притягивал читающую Россию рассказом о подлинной жизни, тем, что жизнь его героев совпадала с жизнью читателя»¹¹.

Весной 1952 года Трифонов оправился в Туркмению по командировке от журнала «Новый мир». Официальной целью командировки стал сбор материала о строительстве Тур-

кменского канала. Однако настоящей причиной поездки Трифонова стал поиск новых впечатлений, способных дать импульс для дальнейшей творческой работы. Как признавался сам писатель, «Хотелось уехать подальше. Увидеть жизнь, не похожую на ту, о которой я писал прежде»¹².

Выполняя эту широко сформулированную задачу, писатель был занят долгим и сложным освоением материала. Как писал сам Трифонов, он «Мотался по Каракумам, на вездеходах, на верблюдах, в маленьких самолетах, знакомился, узнавал, записывал.<...> Писал осень, зиму – работа шла туго, материал был далек, не обжит, необмят. Да и где было обжить и обмять за месяц галопа по пустыне. А я привык писать лишь о том, что знаю досконально. Дело стопорилось. Отвлекали великие пустяки жизни»¹³. Фактура подбиралась; определиться с жанром и стилем будущей книги было не так-то просто. Кроме того, свои коррективы вносила политическая обстановка.

Начатая Ю. Трифоновым повесть об изыскателях Туркменского

10 Трифонов Ю.В. Собрание сочинений в 4-х томах. – Т. 4. – М., Правда, 1987. – С. 684.

11 Трифонова О. Меня часто спрашивают вот о чем ... // Знамя. – 1999. – № 8.[Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/confer.html>

12 Трифонов Ю. Избранные произведения: в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 526.

13 Там же.

канала была заброшена, когда умер Сталин, и стройку как нерентабельную законсервировали. Писатель решил обратиться за помощью к Твардовскому, но не получил под будущую вещь ни договора, ни аванса. Твардовский посоветовал ему начать с рассказов, и Трифонов принял совет. Он продолжил регулярные поездки в Туркмению.

Командировка в Среднюю Азию оказалась плодотворной: на долгие годы туркменский материал стал предметом изображения в прозе Ю. Трифонова. Этот на первый взгляд неожиданный отход от «молодежной» тематики «Студентов» был закономерен и связан с поиском принципиально новой фактуры: «Стремление увидеть и описать жизнь, не похожую на ту, которую он изобразил в своей первой книге, привело писателя в Среднюю Азию»¹⁴.

В результате из «великих пустыков жизни» сложилось «масштабное полотно о противостоянии цивилизации и пустыни, а также, в рамках этого конфликта, о людях нового поколения, испытывающих жажду истины, и защитниках репрессивного режи-

14 Шаравин А.В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – С. 8.

ма, препятствующих утолению этой жажды»¹⁵. Началась работа с создания рассказов, вошедших в цикл «Под солнцем» (1959), а завершилась романом «Утоление жажды» (1959–1962).

Вероятно, в туркменском цикле впервые в творчестве Трифонова выразилась та закономерность, что «каждый новый этап начинался с рассказов и завершался романом <...> в рассказах новые реалии и пласты жизни осваивались как подступы к роману»¹⁶. Первым примером циклизации подобного типа стало формирование «разножанрового единства» (М. Селеменова), включающего роман «Утоление жажды» (1962) и цикл рассказов «Под солнцем» (1959).

Рассказы туркменского цикла

Цикл «Под солнцем» (1959) включает 13 рассказов: «Полет», «Очки», «Маки», «Беседа с герпетологами», «Бако», «Одиночество Клыча Дурды», «О любви», «Песочные часы», «Однажды душевной ночью»,

15 Селеменова М.В. Роман «Утоление жажды» и цикл рассказов «Пустыня» Ю.В. Трифонова как разножанровое единство // *Филологос*. – 2008. – Т. 1–2. – № 4. – С. 187.

16 Суханов В.А. Романы Ю.В. Трифонова как художественное единство. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 25.

«Последняя охота», «Старая песня», «Доктор, студент и Митя», «Кепка с большим козырьком».

История их публикации связана с уходом Трифонова из «Нового мира»: когда в 1958 г. он принес в журнал десять коротких рассказов, их не приняли, и писатель опубликовал их в журнале «Знамя», редактором которого был Вадим Кожевников. Рассказы туркменского цикла стали не только «ступенями к пути писателя к роману» (Д. Гиллеспи), но имеют и собственное эстетическое значение. В рамках интересующей нас проблематики наиболее важны принципы использования в их художественной структуре той рельефной фактуры, за которой и поехал в Туркмению молодой писатель.

Цикл рассказов «Под солнцем» знаменовал определенный этап в развитии мастерства Трифонова-прозаика. В этом цикле рассказов «начинают проявляться черты собственно трифоновского стиля – использование «символической» детали, организующей подтекст в рассказах», стремление к объемному, зримому, четко представляемому образу, притчевость»¹⁷.

17 Шаравин А.В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – С. 10.

Сам Трифонов писал в статье «Нескончаемое начало» (1973) о рассказах «туркменского цикла» как о новом для него типе прозы: «Пожалуй, только в последние годы учения в Литинституте, когда было исчерпано множество тетрадей в клетку, когда были прочитаны важные книги, когда наслушался вдоволь ругани и поношений на семинарах, начала брезжить догадка о том, что не так трудно найти сюжет, как его изложить. ... Мне кажется, и я писать стал иначе. Во всяком случае, одно знаю твердо: когда это понимание укрепилось, писать стало во сто крат труднее. Несколько лет совсем не писал, то есть писал, конечно, но путного не выходило, я брал, уничтожал. Наконец, вышло что-то похожее на дело и не похожее на то, что писал прежде: цикл рассказов «Под солнцем». Тут нагрузка на каждое слово была куда значительней, чем в первом романе. Иногда даже попадались слова с двойной нагрузкой. Все это было заметно мне одному и двум–трем людям, мне близким»¹⁸.

Тематика рассказов различна, и различны принципы использования жизненного материала.

18 Трифонов Ю. Избранные произведения: в 2-х тт. – Т.2. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 495–496.

Рассказ «Одиночество Клыча Дурды» стал одним из произведений, сочетающих спортивные и этнографические реалии. Сценка национальной борьбы, гюреш, становится материалом для наброска судьбы маленькой семьи, отца-чемпиона и сына. Автор рисует яркую картину народной борьбы: «Борцы начинают кружиться по коврику. Головы опущены, ноги отставлены далеко назад, а руки вцепились в пояс так крепко, что кисти побелели. Слышно, как тяжело дышит сухопарый туркмен-калинец...»¹⁹. Трифонов ненавязчиво проводит противопоставление старого и нового быта, подчеркивая смену реалий: «В прежние времена борцы в перерывах пили чай: садились на ковер и дули чай досыта, а зрители терпеливо ждали. Теперь комитет физкультуры навел порядок: перерывы строго ограничены». Такие бытовые детали, как пьянство борцов и их выступление за деньги на праздниках, тоях, также показаны как символы нового времени и, отчасти, разложения – как человека, Клыча Дурды, так и традиционной культуры.

¹⁹ Произведения Ю. Трифонова, если не указано иное, зд. и далее цитируются по изданию: Трифонов Ю. Утоление жажды: Роман и рассказы. – М.: Профиздат, 1979.

Рассказ «Последняя охота» касается тематики чиновничьего браконьерства: «Охоту Сапар Мередович считал лучшим средством против служебных неприятностей». На протяжении первых страниц рассказа реалии туркменской природы символизируют смену настроения и самой социальной идентичности героя: чиновник чувствует себя вновь жителем пустыни: «Жадно вдыхал он душный и горьковатый запах пустыни, запах истлевших на солнце трав. Целебные силы песков начали действовать». Вместе с тем его заботы – заботы мелкого чиновника, погрязшего в коррупции и озабоченного сохранностью круговой поруки власти в местных органах: «...повсюду сидят прежние знакомые люди: Чары Мурадович, Девлет Курбанович, Иван Васильевич... А если все они на своих местах, значит, и тревожиться нечего».

В рассказе нагнетается череда смертей животных: раздавленная песчанка сменяется погоней и двумя подстреленными джейранами, затем ночной охотой и еще двумя убийствами... Очевидно противопоставление безжалостной техники и мира природы: «Железный грохочущий аппарат с бензиновым сердцем и нежно-палевые, маленькие, легконогие существа не-

слись сейчас рядом, словно в честном соревновании».

Отражены и реалии туркменской жизни: особенности национальной кухни: «Не дожидаясь Реджепа, он плотнул коньяку и с жадностью принялся за баранину, круто посоленную, липкую от застывшего сала; не успел прожевать мясо, совал в рот редиску, обмакивая ее вместо соли в банку с икрой, и, сделав вздох облегчения, вновь опрокидывал в рот коньяк, чувствуя, как ободряющий жар охватывает тело», патриархальность семейных отношений: «жена Сапара Мередовича умоляла их именем детей не охотиться ночью... А слушаться женщин в делах, касающихся мужчин, сказал он, – великая глупость».

Писатель использует реалии туркменской жизни для создания фигур речи: «из-за темного барханобразного живота Сапара Мередовича выползли в сумеречное небо звезды» (здесь точка зрения повествователя следует точке зрения шофера Реджепа, и интересно отметить своеобразную поэтичность эпитета); «Водянисто-зеленый, словно плохо заваренный кок-чай, вставал над пустынею расцвет понедельника».

Узнаваемой реалией является коррупция советского чиновничьего

аппарата. Как само собой разумеющееся нарушает закон областной инспектор по делам охоты, «начальник над всеми джейранами, фазанами и песчаными кошками, старый басмач Ага Нияз»: «вот уж кто по достоинству оценит джейранчиков!». Смена старого порядка на новый ознаменована назначением нового инспектора («С дипломом. А я думаю, рука у него в Ашхабаде», – замечает бывший инспектор), обещающего разобраться с браконьерством.

Заканчивается рассказ темой перемен: «Ага Нияз больше не инспектор. Значит, не все по-прежнему. И знакомое унижительное чувство тревоги вновь охватило Сапара Мередовича с внезапной силой...» Этот вывод, неутешительный для героя, дает читателю некую надежду на изменение того установившегося десятилетиями порядка, когда чиновник неподвластен закону. Как видно, тема смены времен, важная для Трифонова, здесь также актуализируется через реалии жизни советской Туркмении.

В рассказе «Старая песня» обыгрывается сюжет о пении в поезде народных певцов – бахши; это пение мешает «человеку в чесучевом пиджаке» – ограниченному бюрократу, однако понятно юной паре; песни

бахши – не только о том, «как строят канал. Как пустыня умирает...», но и о вечном – о любви: «Я хочу быть чаем в твоей пиале, чтоб обжигать твои губы».

Рассказ «Беседа с герпетологами», являясь по формальным признакам примером производственной прозы, со специальной терминологией и деталями характеристики животного мира Туркмении, тем не менее оказывается посвящен ограниченности людей своим миром, «панцирем профессионализма», в данном случае – герпетологов, своим предметом. Рассказчик – «я», послушав рассказы специалистов о змеях и пауках Туркмении, пытается разговорить их на более общие темы, цитирует стихи и прозу о черепахах, однако не находит никакого отклика. Ограниченные своим знанием, герпетологи не замечают красоты и юмора в словесности, а только исправляют фактические неточности. Рассказ завершается язвительным выпадом: «Ах, милые люди эти герпетологи! Именно такими я всегда и представлял себе герпетологов». Происходит интересный поворот: «производственный» рассказ с местным колоритом становится притчей о человеческой ограниченности, краткостью и саркастичностью напоминающей стиль Чехова.

Рассказ «Бако», тоже как бы отталкивающийся от туркменских реалий: «Кто не бывал в маленьких нефтяных городках Западной Туркмении, выросших среди песка и такыров, тому трудно понять их суровое волнующее своеобразие», – оказывается сюжетом о мужчине, которого бросила жена: «Ей, дуре, не хватало деревьев!»). Однако не только реалии климата властны над людскими судьбами: «Лиза не вернулась даже тогда, когда в городе появились деревья».

Рассказ «Маки» также насыщен реалиями туркменской жизни, подчас неожиданными: «Пятерых детей вырастила. А чего делать в песках? Время есть...», пейзажными зарисовками: «Барханы вокруг станции были залиты красной пеной, миллионами цветущих маков». Вместе с тем, через параллелизм с природными изменениями: «Никогда тут не было ни маков, ни зеленой травы, ничего, кроме песка и зноя», – в рассказе раскрывается сюжет о буйстве и скоротечности чувств, обнаруживающий влияние бунинских рассказов. Та же тема – в дилогии новелл «О любви».

Рассказы с развитым сюжетом – «Очки», «Кепка с большим козырьком», «Доктор, студент и Митя», – также раскрывают на ма-

териале туркменских реалий вечные темы русской классики: близорукость и ограниченность окружающих, трагичность судьбы «маленького человека», мудрость случая.

Наиболее явно противопоставление времени уходящего и наступающего, исторического и повседневного звучит в рассказе «Песочные часы», считающимся одним из наиболее значимых в цикле. И здесь выход к философским обобщениям происходит через реалии туркменской жизни. Молодой туркмен не может дать ответ на вопрос, кто похоронен в старинной могиле; он дитя нового времени, «экскаваторщик, ... озабочен ремонтом своей машины». На вопрос героя рассказа, альтер эго автора, может ответить старичок, который «сторожит могилу». Однако старичок на просьбу дать справку о «Кизилча-Баба», похороненном здесь, раздражается клокочущей речью – как выясняется, о справке, которая нужна ему от колхоза для пенсии.

Д. Гиллеспи заключает, что весь сюжет рассказа построен вокруг такого явления советского быта, как справка: «Игра на несоответствии семантики различных значений этого самого советского из слов показывает пропасть в понимании между москов-

ским интеллектуалом и туркменским крестьянином». Однако, вероятно, справка – только символ смены эпох, только маячок наступающих новых времен, ведь «еще недавно у старого чабана не было этих забот. Не было ни канала, ни бетонированного колодца, ни пенсий».

И сама могила, которая некогда была святыней, «царила над всей округой, влекла кочевников и благочестивых купцов, заставляя их делать крюк на долгом пути в Бухару из Мерва», теперь стала «мелкой, несущественной подробностью пустыни».

Реальнейшая из реалий туркменской пустыни – песок – становится символом протекания и смены времен: при ходьбе в пустыне «кажется, что я погружаюсь в вечность, плыву в песке огромных песочных часов». Образ разворачивается до глобальных обобщений: «Цивилизации и царства, орды завоевателей, народы бесчисленные, как песчинки, – все перемолото временем, все превратилось в тихо шуршащий, белый, безмолвный песок...» А в конце рассказа образ песка вновь актуализируется в индивидуально-психологическом аспекте: «Шуршит и льется песок в песочных часах вечности, и мы не замечаем этого, как не замечаем, на-

пример, вращения земли. Но иногда бег времени становится поразительно ощутимым, и вдруг мы слышим его, как нашу кровь, стучащую в висках». Реалия – метафора – символ – психологическое обобщение: так можно примерно описать последовательное наполнение фактической детали (песок) новой художественно-философской семантикой.

Роман «Утоление жажды»

Несмотря на обилие выпуклой фактуры, использование местного колорита, рассказы туркменской тематики не подчинены и не ограничены ею: тексты выходят на решение проблем смысла жизни, конфликта старого и нового, быстротечности времени. Сам Трифонов писал, что отказ опубликовать рассказы в «Новом мире» сопровождался значимым отзывом: «Первые рассказы я отдал Заксу. Тот быстро прочел и отверг. Приговор был лаконичный: «Какие-то общечеловеческие темы!»²⁰. «Общечеловечность» тем, действительно, отмечает рассказы данного цикла, показывая растущую философичность прозы Трифонова.

Это сочетание туркменского колорита и вечных тем отмечает также вторую крупную вещь писателя, роман «Утоление жажды».

История написания, редактуры и публикации романа «Утоление жажды» достаточно драматична. Написанный роман не приняли у писателя ни в «Знамени» (где были опубликованы рассказы туркменского цикла), ни в «Новом мире», где он публиковался ранее. Вновь обратившись в «Знамя», Трифонов был вынужден подвергнуть роман многократной редактуре.

Вот письмо Трифонова в журнал «Знамя», которым он сопроводил четвертый вариант своего романа: «После трехмесячной работы с редактором представляю редакции журнала «Знамя» окончательный вариант моего романа «Утоление жажды». Это уже четвертый вариант романа, четвертая сквозная переделка книги в 20 печатных листов. <...> Учтены все замечания, высказанные членами редколлегии журнала «Знамя». <...> Образ Корушева идейно и художественно переосмыслен. Сейчас это человек с определенной судьбой, с твердым и действенным характером. Пафос его жизни, его поступков: борьба с последствиями культуры личности. <...> Новые сцены вписаны, а кое-что убрано из текста для

20 Трифонов Ю. Избранные произведения: в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 530.

более яркого показа сознательности передовых рабочих стройки. <...> Роман оптимистичен, он принял точную политическую направленность: он направлен против последствий культа личности, против перестраховки и догматизма, которые еще имеют место и в делах строительства и в делах редакций» (13 января 1963 г.)²¹. «Ради того, чтобы увидеть свой роман напечатанным, Трифонов вынужден был «играть по правилам», даже говорить на соответствующем казенном языке»²².

В итоге роман был принят правящими кругами довольно хорошо: он выдвигался на Ленинскую премию в 1965 г. (премии не получил); были поставлены спектакли в различных театрах страны, а также художественный фильм.

Собственно эстетические причины, обусловившие художественные особенности «Утоления жажды», не были исследованы» в критике²³. Вме-

сте с тем приведенные выше слова Ю. Трифонова о произведенных им по требованию редакции «Знамени» правках свидетельствуют, что «производственное» направление, с его борьбой консерваторов и новаторов, с его поляризацией героев, не имело существенного веса в первоначальном художественном замысле писателя. Поставленная Трифонову в вину «неопределенность» характера главного героя и позиций рабочих доказывает, что писатель в этом романе уже был занят поиском собственного героя, его окружения, настроения; однако этот поиск был сведен до минимума из-за редакторской цензуры.

В окончательном, опубликованном варианте романа Трифонов использовал во многом схему освоенной советской прозой формы производственного романа. Прежде всего с этим жанром роман «Утоление жажды» объединяет использованная фактура – стройка канала в песках Туркмении, производственная среда, рабочие и инженеры, – а также традиционный конфликт: противостояние консерваторов и новаторов.

Среди особенностей художественного мира романа исследователями (К. Чулкова, А. Метченко, Л. Якименко, Н. Иванова, К. Магд-Соэп

21 Цит. по: Шитов А. Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества. 1925–1981. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1997. – С. 307–308.

22 Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. 1950–1990-е годы. В 2-х т. – Т.2. 1968–1990. – М.: Академия, 2003. – С. 658.

23 Суханов В.А. Романы Ю.В. Трифонова как художественное единство. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 21.

и др.) выделялись нарративная структура романа (наличие различных повествовательных позиций); двуплановая композиция; своеобразие художественного времени.

Однако вопрос функционирования реалий, фактического материала в романе не исследован. Вероятно, исследование данного вопроса также может помочь в определении художественного своеобразия романа «Утоление жажды», оставшегося в отечественной критике примером «гибридного жанра».

Одно из точных замечаний по этому поводу делают в своем пособии Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий: «установка на подробности жизни становится одним из принципов рождающейся новой поэтики Трифонова: время не надо называть, не надо произносить приговоры, а надо дать массу подробностей жизни, чтобы читатель сам ощутил эмоциональную, духовную, нравственную, психологическую атмосферу времени»²⁴. Эта верность бытовой детали, которая способна стать философским символом, стала одним из принципов позднейшей прозы Трифонова.

24 Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. 1950–1990-е годы. В 2-х т. – Т.2. 1968–1990. – М.: Академия, 2003. – С. 186.

А. Нилин замечал по поводу «туркменского романа», что Трифонов отходит от былого увлечения поэтикой ощущения: «Он и не над вымыслом обливается слезами, а над реальностью, которая перестала вдруг писателя увлекать»²⁵. Вероятно, уже в процессе написания романа Трифонов двигался путем от «литературы нагруженного слова» (той, что он впоследствии называл «пахло мокрыми заборами») к литературе мысли, чем и объясняется отход от старательного копирования реальности.

Рассмотрим виды документально-фактического материала в романе Трифонова и его функции в архитектонике произведения.

Роман начинается со слов: «Ехать было мучительно, мы сидели в трусах и в майках на мокрых от пота матрацах и обмахивались казенными вафельными полотенцами. Раскаленный воздух, набитый пылью и горечью, влетал в открытые окна и обдавал нас жаром, как из духовки». Так преподнесена характеристика хронотопа романа, того места и времени действия, которое во многом связано

25 Нилин А. Юрий Трифонов – журналист // Знамя. – 1999. – № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/confer.html>

с самим сюжетом. Реалии Туркмении начинаются с того места, с которого началось знакомство самого писателя с чуждой ему землей. Уже здесь актуализируется одно из значений заглавия, лежащее на поверхности: «Утоление жажды» – естественное желание человека в душном и знойном климате.

Нужно отметить, что первые же реалии – душный воздух, экзотический пейзаж – оценены повествователем сразу с четырех точек зрения, выраженных в репликах соседей героя по купе и в отзыве самого героя. Эта многомерность видения хронотопа, заданная с самого начала повествования, отражает традиции Достоевского: художественное исследование жизни касается не только психологии отдельного человека, но и мест, имеющих определенное значение.

Место строительства – это своего рода оазис, кусочек жизни, сопротивляющийся всесилию пустыни. Отражая реалии стройки, протянувшей цивилизацию посреди пустыни, писатель создает хронотоп внутри хронотопа, противопоставляет работу (новое, активное начало) пустыне, пассивной и вечной. Всеобъемлющей и определяющей остается пустыня, место, где «Зимой донимали холода и ветры, а с весны начиналась другая

мука. Все живое в пустыне пряталось от жары, змеи и суслики дремали в норах, ящерицы зарывались в песок. Стоило подержать ящерицу пять минут на солнцепеке, и она варилась живьем» (гл. 2). Точность подбираемых писателем деталей доказывает его близкое знакомство с климатом Туркмении и помогает передать экстремальность положения, в котором ведется строительство канала.

Наступающим хронотопом будущего, тесно связанным с каналом и инициативой строки, оказывается город – город, вырастающий из пустыни, город, где «тарактел движок, горело в домах электричество, в клубном бараке читалась лекция о новом Египте, и после лекции были танцы под радиолу, и рабочие выкладывали из кирпичей ограду вокруг несуществующего виноградника и втыкали в песок тощие прутья акаций» – все это возможно лишь благодаря тому, что «далеко впереди всех, заброшенный в барханные дебри, какой-то одинокий экскаватор остервенело рвал землю», и пустыня продолжала свою жизнь: «по ночам была кромешная тьма и кричали шакалы» (гл. 2).

Трифонов не упускает упоминать подробности туркменского быта, которые на первый взгляд но-

сят чисто бытописательный характер, однако в целом художественном произведении выступают в качестве символических деталей. Например, начало второй главы пересыпано упоминаниями о питье в жару горячего зеленого чая – туркменский обычай, связанный с необходимостью усиливать потоотделение в зной. «Он отхлебывал из кружки горячий зеленоватый чай»; «Эти двое ... деловито тянули чай из кружек, отдувались и хрустели сахаром»; «сменщики продолжали равнодушно пить чай». Однако первая глава кончается словами повествователя: «И, кроме того, меня мучила жажда» – та жажда, которая, как выяснится, также имеет иносказательное значение в романе; упоминания о чае во второй главе, таким образом, связывает два эпизода, не объединенные героями или топосом, воедино. Повествователь жаждет, а рабочие на стройке пьют чай; последовательность нарратива подразумевает, что именно здесь, на героическом строительстве на песках, герой найдет то, чего он жаждет. Далее во второй главе мотив чая и утоляемой им жажды вступает во взаимодействие с мотивом песка: «Все ... ладонями заслоняли кружки от ветра, чтобы не нанесло песка».

Н.Б. Иванова отмечает, что на страницах романа в той или иной степени, прямо или косвенно ведется спор: «Вы знаете, как туркмены утоляют жажду? Вот послушайте: сначала утоляют «малую жажду», две–три пиалки, а потом, после ужина, – «большую жажду», когда поспеет большой чайник. А человеку, который пришел из пустыни, никогда не дают много воды. Дают понемногу. – Иначе ему будет плохо, – сказал Платон Кирьянович. – Да не будет никому плохо! Чепуха это! – говорит Тамара возбужденно. – Как может быть чересчур много правды? Или чересчур много *справедливости*?...» Исследовательница справедливо замечает, что притча об «утолении жажды» определяет важнейшую тему романа: «жажду справедливости» в жизни после решений XX и XXI съездов партии²⁶.

Писатель старательно погружает читателя в быт стройки, начиная с начала второй главы. Подробности строительного труда в общем преследуют цель погружения в среду, правдоподобия, и не получают в романе самостоятельного символического значения, за исключением того факта,

26 Иванова Н.Б. Проза Юрия Трифонова. – М., 1984. – С. 57–75.

что стройка сама по себе символизирует смену старого новым.

Судьбы и портреты героев – также своего рода переработка жизненной фактуры, которую исследовал Трифонов во время своих туркменских командировок. Время меняется, однако туркменское общество остается более традиционным, чем приехавшие русские; его скрепляют узы уважения к старикам и их мнению. Молодой экскаваторщик Чары Аманов говорит, осуждая непомерный калым: «Старые люди есть, умрут скоро, их уважать надо. Пускай они неправильно делают, а уважать надо» (гл. 2).

С героем-повествователем входит в роман пласт автобиографических сведений из жизни писателя: сомнения в себе он объясняет давним арестом отца; вспоминает собрание, после которого «жизнь ... пошла наперекосяк». Факты собственной биографии используются Трифоновым для придания достоверности психологическому облику героя.

Срез столичной жизни противостоит суровому быту борцов с пустыней: в Ашхабаде происходят редакционные склоки, мужья изменяют женам, ходят за чужой счет по ресторанам, заводят и поддерживают тягостные знакомства, ведут пьяные

разговоры. Эта фактура, общая для любого городского топоса, противопоставлена пустыне как месту труда и борьбы. И, однако, в нем есть привлекательность цивилизации, обжитого места, герой прощается с городом ностальгически: «Прощай, город! Через неделю я покину тебя, с твоей духотой, с твоими ночами, звездами, с твоими людьми, занятыми своей жизнью...» (гл. 4).

Более масштабное противопоставление хронотопов происходит к пятой главе, когда, получив тепловой удар, экскаваторщик Нагаев вспоминает с тоской о России. Здесь противопоставление двух местностей вновь дается через восприятие персонажей, через диалог: «– Ну и Трухмения, ну и дрянь земля... Пропади пропадом... – <...> Ты ведь, глупая, жизни не знаешь. Не видала ничего, кроме песков да пыли, – медленно продолжал Нагаев. – А какие леса в России! Реки... Городов настоящих не видала... Эх, голубка... А дожди какие! «Не осенний мелкий дождичек» – знаешь песню? – Слышала вообще... – Слышала! – Нагаев презрительно двигал рукой. – Что ты понимать можешь? Ничего». Тема хронотопа в туркменской прозе Трифонова достаточно полно раскрыта в

докторской диссертации М.В. Селемевой²⁷.

По замечанию В.А. Суханова, цикл «туркменских» рассказов, как и роман «Утоление жажды», связан с освоением Трифоновым биографических ценностей, собственного духовного опыта²⁸. Действительно, автобиографический пласт не только заметен на фоне производственной проблематики; он словно бы составляет параллельный ей текст, с иной проблематикой и иными художественными задачами.

По замечанию А. Шитова, «Начиная с «Утоления жажды» Трифонов, думается, хотел понять: почему в России получают активную поддержку идеи *насилия* одних над другими, *разрушения* общественных устоев, откуда, из какого прошлого мы такие, почему мы *недослышим, недочувствуем*, почему в нас так укоренился страх?»²⁹.

Эта этическая тематика особенно

27 Селемеева М.В. Художественный мир Ю.В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века : автореферат дис. ... доктора филологических наук. – М., 2009. – С. 15.

28 Суханов В.А. Романы Ю.В. Трифонова как художественное единство. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 27.

29 Шитов А.П., Поликарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха: факты, документы, воспоминания. – М.: Собрание, 2006. – С. 280.

ярко проявляется в пласте романа, излагаемом от лица Петра Корышева.

Нравственная проблематика тесно связана с предметом романа и также его формой. Форма и содержание не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены: «Реалии Туркмении наблюдаются и отмечаются с точки зрения технологического прогресса и повествовательного разнообразия: повествование от первого и третьего лица, туркменская борьба, жизнь в пустыне, канал – все служит не только экзотичности сцен, но и высвечивает точки, в которых современный мир отличается от старого, и как сам писатель становится увереннее и развитее в возможностях нарративного дискурса»³⁰.

Заключение

Таким образом, исследование принципов обращения писателя к реалиям туркменской жизни позволяет выделить четыре важнейшие функции бытовой детали, исторического факта:

– бытоописательная (связанная с «местным колоритом»), призван-

30 Gillespie D. Iurii Trifonov: Unity through time. – Cambridge University Press, 1992. – P. 29.

ная придать произведению достоверность);

– хронотопическая (связанная с противопоставлениями места и времени, становящимися все более важными в творчестве писателя);

– психологическая (выполняющая задачи психологической характеристики);

– символическая (бытовая деталь становится символом, философским обобщением).

Обращение Ю. Трифонова к туркменской – новой, экзотической – тематике не было случайно. Оно знаменовало отход от привычного быта к иному, обращение к новой, до деталей иной реальности. Вместе с тем, как показывает анализ туркменского текста писателя, фактически новый материал дал ему возможность сделать обобщающие выводы об универсальности для разных миров многих тем: психологических закономерностей, роли и течения времени и т.д.

Вместе с тем туркменский цикл творчества Трифонова доказывает, что обращение к экзотической тематике вовсе не обязательно для становления писателя. Исполняя советы старших товарищей: «Да, вы теперь должны поднять новый пласт. Поехать куда-то на стройку, на за-

вод...»³¹, – писатель восходит, освоив экзотическую фактуру, к вечным темам, вечным конфликтам: природы и цивилизации, времени и вечности, старого и нового; искренности и лжи; конформизма и бесстрашия. Как замечал Ю. Оклянский, в то время считалось, что «на удаленных стройках была якобы подлинная действительность, а в магазине, ЖЭКе, сапожной мастерской, дымившем по соседству заводике – только смута чувств и мелочи быта»³². Ю. Трифонов, пройдя путь от «литературы слова» в туркменском цикле к «литературе мысли» в более поздней прозе, позже оправдывал глубинную конфликтность материала «бытового», внеэкзотического: «Быт – это великое испытание <...> Мы находимся в запутанной и сложной структуре быта, на скрещении множества связей, взглядов, дружб, знакомств, неприязней, психологий, идеологий. <...> Устали? Ничего, отдохнете в другом месте. А здесь быт – война, не знающая перемирия»³³.

31 Трифонов Ю. Избранные произведения: в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 524.

32 Оклянский Ю.М. Юрий Трифонов: Портрет-воспоминание. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 64.

33 Трифонов Ю. Избранные произведения: в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 545.

В последней главе «Утомления жажды» происходит выход за повествовательные рамки: герой рассказывает, что написал книгу: «Канал построен. И я издал книжку очерков. И даже снят фильм об этом канале <...> Все самое невероятное случилось» (гл. 27). Этот неожиданный поворот, с последующим пересказом

судьбы героев, ставит под сомнение беллетристическую принадлежность романа; это своего рода выход в документалистику, в публицистику. Неслучайно следующей крупной, поворотной вещью Трифонова стала именно документальная повесть, ознаменовавшая собой начало нового периода его творчества.

Библиография

1. Иванова Н.Б. Проза Юрия Трифонова. – М., 1984. – 296 с.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. 1950–1990-е годы. В 2-х т. – Т. 2. 1968–1990. – М.: Академия, 2003. – 688 с.
3. Магд-Соэп К., Де. Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции. – Екатеринбург: УРГУ, 1997. – 240 с.
4. Нилин А. Юрий Трифонов – журналист // Знамя. – 1999. – № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/confer.html>
5. Огрызко В. Свой или чужой // Литературная Россия. – 2008. – № 46 (14. 11.). – С. 1, 8–9.
6. Оклянский Ю.М. Юрий Трифонов: Портрет-воспоминание. – М.: Сов. Россия, 1987. – 240 с.
7. Письмо Ю. Трифонова к Л. Левину от 26 октября 1970 г. // Вопросы литературы. – 1988. – № 3. – С. 180.
8. Селеменова М.В. Роман «Утоление жажды» и цикл рассказов «Пустыня» Ю.В. Трифонова как разножанровое единство // Philologos. – 2008. – Т. 1–2. – № 4. – С. 187–204.
9. Селеменова М.В. Художественный мир Ю.В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века : автореферат дис. ... доктора филологических наук. – М., 2009. – 40 с.

10. Скатов Н.Н. Русская литература 20 века. – М.: OlmaMediaGroup, 2005. – 829 с.
11. Суханов В.А. Романы Ю.В. Трифонова как художественное единство. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 323 с.
12. Трифонов Ю. Избранные произведения: в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978. – 573 с.
13. Трифонов Ю.В. Собрание сочинений в 4-х томах. – Т. 4. – М.: Правда, 1987. – С. 684.
14. Трифонов Ю. Утоление жажды: Роман и рассказы. – М.: Профиздат, 1979. – 416 с.
15. Трифонова О. Меня часто спрашивают вот о чем ... // Знамя. – 1999. – № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/confer.html>
16. Шаравин А.В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 22 с.
17. Шитов А. Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества. 1925–1981. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1997. – 798 с.
18. Шитов А.П., Поликарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха: факты, документы, воспоминания. – М.: Собрание, 2006. – 590 с.
19. Юрий и Ольга Трифоновы вспоминают. – М.: Совершенно секретно, 2003. – 253 с.
20. Gillespie D. Yurii Trifonov: Unity through time. – Cambridge University Press, 1992. – 250 p.

Making an individual approach to the "literature of fact" in the works of Yuri Trifonov (from the story "Studenty" to the novel "Utoleniye zhazhdy")

Kazimagomedova Rubina Imamaliyevna

Postgraduate student,

Dagestan State University,

P.O Box 367000, Gadzhieva st., 43-a, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia;

e-mail: rubina85@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the "Turkmen" period of creativity of Russian writer Yurii Trifonov. This period is indeed not enough studied in literary science. As a material for the study the author have chosen stories of the series "Pod solntsem" and the novel "Utolenie zhazhdy", in which industrial themes is combined with the theme of the increasing writer's awareness of spiritual and moral issues, common to all mankind. Study of the principles of Trifonov's moving to the realities of Turkmen life has allowed the author to identify four major functions of household items, historical fact: painting everyday life (associated with "local flavor", meant to give trustworthiness to the plot); chronotopical (associated with the oppositions of time and place, which is becoming increasingly important in Trifonov's writings), psychological (performing psychological characteristics), symbolic (living detail becomes a symbol, a philosophical generalization). Yurii Trifonov's appeal to the Turkmen – new and exotic – themes was not occasional. It marked a departure from the traditional way of life to another, turning to a new, differently detailed reality. However, analysis of the Turkmen texts of the writer shows, in fact, that new material gave him the opportunity to make general conclusions about the universality for quite the other worlds of many topics: psychological patterns, roles and passage of time, etc.

Keywords

Non-fiction, autobiography, Trifonov, industrial novel, "Turkmenian cycle" works.

References

1. Gillespie, D. (1992), *Yuri Trifonov: Unity through time*, Cambridge University Press, 250 p.
2. Ivanova, N.B. (1984), *Yuri Trifonov's prose [Proza Yuriya Trifonova]*, Moscow, 296 p.
3. Leiderman, N.L., Lipovetskii, M.N. (2003), *Modern Russian literature. 1950–1990's: In 2 volumes [Sovremennaya russkaya literatura. 1950-1990-e gody. V 2 tomakh]*, Vol. 2. 1968–1990, Moscow, 688 p.

4. "Letter from Yuri Trifonov to L. Levin of October 26, 1970" ["Pis'mo Yu. Trifonova k L. Levinu ot 26 oktyabrya 1970 g."], *Voprosy literatury*, 1988, No 3, pp. 180.
5. Magd–Soep K., de. (1997), *Yuri Trifonov and the drama of Russian intelligentsia* [*Yurii Trifonov i drama russkoi intelligentsii*], Ekaterinburg, 240 p.
6. Nilin, A. (1999), "Yuri Trifonov – journalist" ["Yurii Trifonov — zhurnalist"], *Znamya*, No. 8, available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/confer.html>
7. Ogryzko, V. (2008), "Among his own or a stranger?" ["Svoi ili chuzhoi?"], *Literaturnaya Rossiya*, No. 46.
8. Oklyanskii, Y.M. (1987), *Yury Trifonov: A memory portrait* [*Yurii Trifonov: Portret-vospominanie*], Moscow, 240 p.
9. Selemeneva, M.V. (2008), "The novel "Utoleniye zhazhdy" and the cycle of stories "Pustynya" by Y.V. Trifonov as a unity of different genres" ["Roman "Utolenie zhazhdy" i tsikl rasskazov "Pustynya" Yu.V. Trifonova kak raznozhanrovoe edinstvo"], *Filologos*, Vols. 1–2, No. 4, pp. 187–204.
10. Selemeneva, M.V. (2009), *The fiction world of Y.V. Trifonov in the context of urban prose of the second half of XX century: abstract of dissertation* [*Khudozhestvennyi mir Yu.V. Trifonova v kontekste gorodskoi prozy vtoroi poloviny XX veka: avtoreferat dissertatsii*], Moscow, 40 p.
11. Sharavin, A.V. (1990), *Trifonov: becoming a creative personality: abstract of dissertation* [*Stanovlenie tvorcheskoi individual'nosti Yu. Trifonova: avtoreferat dissertatsii*], Moscow, 22 p.
12. Shitov, A.P. (1997), *Yurii Trifonov. Chronicles of life and work. 1925–1981* [*Khronika zhizni i tvorchestva. 1925-1981*], Ekaterinburg, 798 p.
13. Shitov, A.P., Polikarpov, V.D. (2006), *Yurii Trifonov and the Soviet era: facts, documents and memories* [*Yurii Trifonov i sovetskaya epokha: fakty, dokumenty, vospominaniya*], Moscow, 590 p.
14. Skatov, N.N. (2005), *Russian literature of the 20th century* [*Russkaya literatura 20 veka*], Moscow, 829 p.
15. Sukhanov, V.A. (2001), *Novels of Y. Trifonov as an artistic unity* [*Romany Yu.V. Trifonova kak khudozhestvennoe edinstvo*], Tomsk, 323 p.
16. Trifonov Yu. (1979), *Utoleniye zhazhdy: A novel and short stories* [*Utolenie zhazhdy: Roman i rasskazy*], Profizdat, Moscow, 416 p.

-
17. Trifonov, Yu. V. (1978), *Selected works: in 2 vols.* [*Izbrannye proizvedeniya: v 2 tomakh*], Vol. 2, Moscow, 573 p.
 18. Trifonov, Yu.V. (1987), *Collected works in 4 volumes* [*Sobranie sochinenii v 4 tomakh*], Vol. 4, Pravda Moscow.
 19. Trifonova, O. (1999), "People often ask me about..." ["Menya chasto sprashivayut vot o chem..."], *Znamya*, No. 8, available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/confer.html>
 20. *Yuri and Olga Trifonovs memorize* [*Yurii i Ol'ga Trifonovy vspominayut*], Moscow, 2003, 253 p.